

Михальчук Наталья Александровна
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)
n-mihalchuk@list.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАМЕКОВ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ XX–XXI ВВ.)

В статье показаны основные коммуникативные приемы употребления намеков в художественном тексте: непреднамеренное намекание, «ложный» намек, вербализация иллокуции, встречный намек, акцентирование прямого смысла, отказ от интерпретации. Определены стилистические задачи, которые выполняют данные коммуникативные приемы.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, намек, косвенный речевой акт

This article identifies the main communicative techniques for using allusions in fiction: unintentional allusion, “false” allusion, verbalization of illocution, counter-allusion, emphasizing the direct meaning, and refraining from interpretation. The stylistic purposes these communicative techniques serve are defined.

Keywords: indirect communication, hint, indirect speech act

Взгляд на намек как на особую разновидность непрямой коммуникации присущ большинству исследователей в области лингвистической прагматики и коммуникативной лингвистики. Так, намек определяется в качестве одного из типов непрямой коммуникации в работах В.В. Дементьева [1], как способ выражения непрямой коммуникации – в статьях Т.В. Нестеровой [2]. И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер в качестве определяющих признаков, позволяющих выявить ситуацию намека, называют следующие: интенциональность, вербальность, косвенность, обоснованность, выводимость и нетривиальность [3, с. 463].

Основные отличия намека от косвенного речевого акта состоят в следующем. Намек не имеет грамматических показателей косвенной речевой реализации интенций, косвенный речевой акт их, как правило, содержит. В то же время имеется и переходная (синкретичная) зона между намеком и косвенным речевым актом.

Косвенный речевой акт выражает интенцию в эксплицитной форме, намек – в имплицитной. Ср., в примерах: «*Не сходишь ли ты в магазин?*», «*Сходил бы ты в магазин*», «*Сходишь в магазин*» побуждение выражается в форме высказывания с двойной иллокутивной функцией эксплицитно. Действие, к которому говорящий побуждает слушающего, называется прямо, у адресанта нет желания скрывать свое намерение, а выбор им косвенной формы продиктован, прежде всего, стремлением к вежливости. Данные высказывания мы относим к косвенным речевым актам, среди которых отмечаются как конвен-

циональные, так и неконвенциональные. В то же время в намеке «*Ой, молоко кончилось... И нет времени купить...*», в котором также наблюдаются две иллюкутивные функции, побуждение выражено в имплицитной форме: коммуникативное намерение адресанта (=сходи в магазин) скрывается в пропозиции и не имеет формальных показателей выражения.

Для намека (неявного) характерна интенционная неопределенность, создаваемая адресантом для адресата, косвенному речевому акту она не свойственна (признак выделен И.Б. Шатуновским). Косвенный речевой акт предполагает переистолкование речевой формы, а намек, как правило, – ее сокращение (выделено А.Н. Барановым).

Имплицитные высказывания являются одним из действенных средств создания художественных образов персонажей, так как данные единицы коммуникации представляют собой сбой в традиционной прямой коммуникации, предполагающей ясность и прямолинейность выражения содержания и отсутствие помех в его восприятии. Говорящий порождает высказывания с очевидным расхождением между их планом выражения и планом содержания, осознанно нарушая коммуникативные правила и нормы общения [4]. Коммуникативный сбой является следствием определенных мотивов и специфических целей говорящего, знание которых способствует предположениям о том, каковы специфические черты личности, реализующей коммуникативные намерения.

На материале русской прозы XX–XXI вв. выделим коммуникативные приемы, с помощью которых намеки со значением побуждения могут быть реализованы в художественном тексте.

Непреднамеренное намекание. Говорящий порождает репрезентативное высказывание, с которым слушающий устанавливает собственные ассоциативные связи, в результате чего воспринимает его как намек со значением побуждения. В то же время выполнение адресатом действия, к которому его побуждает импликатура, совпадает с подсознательным желанием адресанта. Таким образом, говорящий достигает своей цели, не вербализируя при этом целенаправленных речевых действий. Ср. «– *Я так больше не могу, – забормотала Марта, меж припадков лающего кашля, – ...не могу... И посмотри на себя: ты бледен, как смерть... Шум за стеной разрастался, близился; уже казалось, – вот эта огромная елка орет всеми своими лампочками. – Как смерть, – сказала Марта и закашлялась*». (В. Набоков «Король, дама, валет») Параметры ситуации: диалог любовников. Героиня дважды употребляет слово *смерть* и тем самым неявно побуждает адресата к осуществлению убийства ее супруга.

Данный коммуникативный прием выполняет стилистическую задачу: сигнализирует о значимом повороте сюжета, вводит в текст произведения новый мотив (в приведенном примере это мотив убийства, которое замышляется любовниками). Показательно, что И.Б. Шатуновский приводит сходный с данным пример из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором

намек выполняет ту же стилистическую функцию, что и у В. Набокова, ср. «Так, в романе «Братья Карамазовы» слова Ивана, обращенные к Смердякову (предлагавшему ему поехать в Чермашню, а не в Москву, чтобы ближе было возвращаться в случае убийства отца): *Видишь... в Чермашню еду...*, представляют собой своего рода «бессознательный намек», подтолкнувший Смердякова к убийству» [5, с.259].

«Ложный» намек. Слушающий ошибочно воспринимает репрезентативное высказывание говорящего как намек с побудительным значением. В выполнении данного действия адресатом адресант не заинтересован – во фрагменте диалога наблюдается коммуникативная неудача. Ср. «– *Нет, не угадали. Холодно!* – *Она даже поежилась.* – *Можно закрыть форточку,* – *предложил недогадливый писатель.* – *Ну, Андрей Львович, просыпайтесь же! Вы забыли игру в «холодно – горячо»?»* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»). Стилистическая функция высказывания – изображение психологического состояния говорящего (в данном случае – создаваемый автором образ растерянного, погруженного в себя персонажа).

Вербализация иллокуции. В ответной реплике слушающий эксплицирует репрезентированную в форме намека интенцию говорящего. Ср. «– *Мы не все знаем,* – *мягко уточнил Валун.* – *Мы, например, не знаем настроения в вашей среде. У нас недостаточно информации.* – ***Вы предлагаете мне быть стукачом?*** – *догадался Зверев*» (В. Токарева «Тихая музыка за стеной»). При помощи интерпретирующего речевого акта (термин И.М. Кобозевой) акцентируются личностные черты героя (в рассматриваемом контексте – его склонность к прямоте, к разговору «без обиняков»).

Встречный намек. В качестве речевой реакции на намек-1 говорящего выступает намек-2 слушающего. Ср. «*Гервак рассмеялась.* – *О нет! Всего лишь расчет на ваше благоразумие. Отбросьте сильные выражения и сообщите, с каким чувством ваша сестра может прочесть письмо, говорящее о роде ее болезни.* – *Довод убедительный, но он имеет обратную сторону, так как я не буду молчать о тех руках, которые продали мне флакон*» (А. Грин «Джесси и Моргиана»). Параметры ситуации: шантаж преступника свидетелем убийства. Прием приводит к появлению в тексте «имплицитных диалогических единств», которые, как правило, репрезентируют тему, связанную с аморальными либо противозаконными действиями персонажей.

Акцентирование прямого смысла (усиление имплицитности). Высказывание с двойной иллокутивной функцией вербализируется говорящим таким образом, чтобы его прямой смысл высвечивался, а косвенный – затемнялся. При поверхностном восприятии адресат сталкивается с репрезентативным речевым актом, и ему необходимо приложить значительные интерпретационные усилия, чтобы декодировать туманный намек. Ср. «– *Да,* – *сказала Ева серьезно, ничуть не упрекая себя за выдумку,* – *Джесси Тренган прекрасная девушка. Кое-кто медлит, но я уверена, что осенью она обвенчается. Детрей со*

смехом поцеловал Еве руку. – Всякая история имеет конец, – сказал он, – будем надеяться, что история Джесси окончится благополучно и скоро» (А. Грин «Джесси и Моргиана»). Параметры ситуации: Ева хочет поспособствовать более близкому знакомству своей подруги Джесси с молодым человеком Детреем. Ева сообщает Детрею, что Джесси вскоре может обручиться с другим, тонко намекая на то, чтобы он действовал более решительно.

Неопределенное местоимение *кое-кто* в конструкции «*кое-кто медлит*» двузначно: оно может указывать как на третье лицо (в таком случае мы имеем дело с репрезентативным высказыванием), так и на слушающего (тогда в тексте наблюдается намек с директивным значением). В первой части сложно-сочиненного предложения субъект выражен неопределенным местоимением, вторая же часть подразумевает результат участия в действии того же субъекта, который вербализирован в первой части. Как видим, высказывание грамматически оформлено таким образом, чтобы на переднем плане восприятия слушающего оказался его прямой смысл.

В стилистическом плане подобные реплики способствуют речевой характеристике говорящего.

Отказ от интерпретации. Ложная коммуникативная неудача, выполняющая характеризующую функцию, фиксируется в том случае, если адресат мысленно декодирует не прямое высказывание, но вербализирует непонимание, так как не заинтересован в выполнении действия, к которому его побуждает говорящий, и не желает вступать с ним в конфликт. Ср. «*Мы опять на кухне, кофе, и Курнеев заводит старую песню: – Мы, Петрович, мужчины – за женщину в ответе... Я молчу. – Если мужчина вдруг заметил грешок за чьей-то женой, не надо, чтоб все знали, ты согласен? Не надо лишней болтовни. Не надо скандала. Спокойно предупредить мужа – это и значит помочь семье пережить трудный час... Он ждет. Я молчу.* (= Расскажи, что ты знаешь о моей жене) (В. Маканин «Андеграунд, или Герой нашего времени»). Параметры ситуации: диалог жильца дома и сторожа.

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Нестерова, Т. В. Непрямая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы / Т. В. Нестерова // Русский язык в контексте культуры : сб. науч. ст. / под ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2010. – С. 18–21.
3. Кобозева, И. М. Об одном способе косвенного информирования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462–471.
4. Грайс, Г. Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
5. Шатуновский, И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке / И. Б. Шатуновский. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 480 с.